

ЦАРСТВО БОЖІЕ.

Терминъ „царство Божіе“ служитъ въ евангеліи самымъ общимъ обозначеніемъ предмета Христова ученія. Проповѣдническую дѣятельность Христа евангелистъ Матѳеѣй изображаетъ такими словами: „проходилъ Иисусъ по всей Галилеѣ, по всѣмъ городамъ и селеніямъ, уча въ синагогахъ ихъ, проповѣдуя евангеліе царства“ ¹⁾. Другой евангелистъ, Лука, называетъ царство Божіе собственнымъ предметомъ евангелія, тѣмъ, что придавало Христовой проповѣди характеръ благовѣстія: Онъ проповѣдывалъ и *благовѣствовалъ царство Божіе* ²⁾. Евангеліе Христа есть евангеліе царства Божія ³⁾. Первыми словами, которыми началась проповѣдь Его къ іудеямъ, были: „покайтесь, ибо приблизилось царство небесное“ ⁴⁾. Когда Его удерживали въ одномъ городѣ, Онъ говорилъ, что „и другимъ городамъ должно Мнѣ благоговѣствовать Царство Божіе, ибо на то Я посланъ“ ⁵⁾. Съ народомъ Онъ бесѣдовалъ о царствѣ Божіемъ ⁶⁾. Учениковъ Своихъ Онъ посылалъ проповѣдывать царство Божіе ⁷⁾. Его собственное ученіе было словомъ царства, *ὁ λόγος τῆς βασιλείας* ⁸⁾. Его притчи были изображеніемъ царства Божія: „чему уподобимъ царство Божіе? или какою притчею избра-

¹⁾ Мѳ IV, 23; IX, 35

²⁾ Лук VIII, 1; ср. IV, 43; XVI, 16

³⁾ Мѳ XXIV, 14; Мр. I, 15

⁴⁾ Мѳ IV, 17; Мр. I, 15

⁵⁾ Лук IV, 43

⁶⁾ Лук. IX, 11

⁷⁾ Лук IX, 2; X, 9; Мѳ X, 7 ср. Лук IX, 60.

⁸⁾ Мѳ XIII, 19.

зимъ его“ ¹⁾? „Царство небесное подобно“—такъ обычно начинаются евангельскія притчи. Учениковъ Его отличаетъ отъ прочихъ людей не что иное, какъ разумѣніе тайны царства Божія (*τὸ μυστήριον τῆς βασιλείας τοῦ θεοῦ*) ²⁾. Евангеліе говоритъ вообще о книжникѣ, наученномъ царству небесному ³⁾. Въ благовѣствованіи о царствѣ Божіемъ и въ его наступленіи Христосъ указывалъ основной признакъ новозавѣтнаго времени ⁴⁾.

Однако это основное выраженіе евангелія, подобно всѣмъ другимъ основнымъ евангельскимъ понятіямъ, не представляетъ изъ себя новаго христіанскаго слова, но заимствовано новозавѣтнымъ Учителемъ изъ ветхозавѣтно іудейской сокровищницы. Евангельское ученіе было обращено къ слушателямъ, которые „ожидали царства Божія“ ⁵⁾. Предтеча Христа, Іоаннъ Креститель, проповѣдывалъ близкое наступленіе царства Божія ⁶⁾. Первые слова евангельской проповѣди были повтореніемъ этихъ словъ Крестителя. Проповѣдуя царство Божіе, Христосъ шелъ навстрѣчу определеннымъ и устойчивымъ ожиданіямъ іудейскаго народа. Уже это одно заставляетъ насъ быть сдержанными въ установкѣ значенія этого термина въ системѣ евангельскаго ученія. То же внушается намъ и сравненіемъ ветхозавѣтно-іудейскихъ ожиданій, объединявшихся въ идеѣ царства Божія, съ евангельскимъ ученіемъ по ихъ содержанію.

Въ ветхозавѣтно-іудейской идеѣ царства Божія выступаютъ двѣ черты: теократическо-политическая и апокалиптическая, трансцендентно-эсхатологическая. По теократическо-политическимъ ожиданіямъ іудаизма, царство Божіе смѣняетъ всемірныя монархіи, становится на ихъ мѣсто и, слѣдовательно, уподобляется имъ по земной территоріи владычества и по его характеру. Отлично теократическое царство отъ смѣняемыхъ имъ всемірныхъ монархій лишь въ томъ отношеніи, что власть въ этомъ царствѣ принадлежитъ Самому Богу; однако это различіе не безусловно, поскольку

1) Мр. IV, 30; Лук. XIII, 18

2) Мр. IV, 11; Мѡ. XIII, 11; Лук. VIII, 10.

3) Мѡ. XIII, 52.

4) Лук. XVI, 16; Мѡ. XI, 12.

5) Мр. XV, 43; Лук. XXIII, 51

6) Мѡ. III, 2

Богъ воцаряется надъ міромъ чрезъ посредство іудейскаго народа и его Мессіи-царя. Такимъ образомъ іудеи, ожидавшіе царства Божія, ждали собственно угѣшенія Израиллю ¹⁾, царства Израиля надъ міромъ ²⁾. Къ этимъ древнимъ ожиданіямъ во времена іудаизма прибавилась новая черта, апокалиптическая. Іудеямъ царство Божіе представлялось благомъ или строемъ, предсуществующимъ на небѣ и открывающимся на землѣ во времени. Когда Христосъ въ послѣдній разъ приближался къ Іерусалиму, іудеи думали, что скоро должно открыться, явиться (*ἀναφαίνεσθαι*) царство Божіе ³⁾. Эта смѣна царствъ земныхъ царствомъ небеснымъ въ представленіи іудеевъ сливалась съ эсхатологическою смѣною этого вѣка новымъ вѣкомъ. Эти черты мы встрѣчаемъ и въ евангельскомъ языкѣ.

Въ евангельскихъ рѣчахъ о царствѣ Божіемъ замѣтно выступаетъ теократическій оттѣнокъ. Такъ звучатъ рѣчи Христа о царствѣ Сына человѣческаго, о царствѣ Своемъ ⁴⁾. Царство Сына человѣческаго есть то же царство Божіе: тогда какъ у Матѳея говорится о Сынѣ человѣческомъ, грядущемъ въ царствѣ Своемъ, въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ у Марка и Луки читаемъ о пришествіи царства Божія ⁵⁾. Царство Сына человѣческаго нужно понимать именно теократически, какъ это видно изъ прямыхъ словъ Христа, что Онъ получилъ царство отъ Отца ⁶⁾, и изъ той притчи, въ которой Онъ называетъ Себя царскимъ сыномъ ⁷⁾. Теократическій характеръ царства Божія предполагается и тѣмъ, что ученики Христа, сыны царства, участвуютъ въ Его славѣ, въ Его царствѣ ⁸⁾, и имъ, этому малому стаду, Отецъ благоволилъ дать царство ⁹⁾. Поэтому выраженіе „сыны царства“ (*οἱ υἱοὶ τῆς βασιλείας*) ¹⁰⁾ означаетъ „царственные

¹⁾ Лук. II, 25, 39.

²⁾ Дѣян I, 6.

³⁾ Лук XIX, 11.

⁴⁾ Мѳ. XIII, 41; XVI, 28; XXV, 31 сл. XXVII, 11 пар. Также (въ притчахъ) Лук. XIX, 12; Мѳ. XVIII, 23; XXII, 2.

⁵⁾ Мѳ. XVI, 28; Мр IX, 1; Лук. IX, 27.

⁶⁾ Лук XXII, 29.

⁷⁾ Мѳ. XXII, 2.

⁸⁾ Мѳ. XIX, 28; Лук. XXII, 30.

⁹⁾ Лук XII, 32.

¹⁰⁾ Мѳ. XIII, 38.

сыны“, наследники царства ¹⁾. Отъ иудеевъ, этихъ природныхъ сыновъ царства, оно было отнято и дано малому стаду Христову ²⁾. Отношеніе между царствованіемъ Христа и царствованіемъ новыхъ сыновъ царства, Его малаго стада, то, что Онъ, получивъ царство отъ Отца, передаетъ его ученикамъ ³⁾. О томъ же характерѣ царства Христова свидѣтельствуется земная область его распространенія ⁴⁾ и то обстоятельство, что его наступленіе предваряется историческими событіями ⁵⁾.

Еще рѣзче выдвигается въ рѣчахъ Христа апокалиптической характеръ царства Божія. Оно называется уготованнымъ отъ созданія міра ⁶⁾. Оно ожидаетъ праведниковъ на небѣ ⁷⁾. Ученикамъ заповѣдуются готовить себѣ сокровище на небесахъ ⁸⁾. Мы читаемъ также объ именахъ апостоловъ, записанныхъ на небѣ, и о вѣчныхъ обителяхъ ⁹⁾. Часто встрѣчающееся въ евангеліяхъ изреченіе „войти въ царство небесное (Божіе)“ объясняется трансцендентнымъ характеромъ царства Божія ¹⁰⁾. Сверхприродное небесное царство находится въ связи съ земною жизнью. На землѣ человѣкъ готовится къ царству Божію, къ небесной наградѣ ¹¹⁾. Мало того. Царство Божіе съ неба приходитъ на землю, открывается здѣсь: Христосъ научилъ учениковъ Своихъ молиться Отцу Небесному, чтобы святилось имя Его, пришло царство Его и воля Его исполнялась на землѣ, какъ на небѣ ¹²⁾. Откровеніе царства Божія на землѣ, его пришествіе съ неба, образуетъ историческую эпоху. Уже первое слово евангельской проповѣди, что исполнилось время и приблизилось царство Божіе (*πεπλήρωται ὁ καιρὸς καὶ ἤγγι-*

1) МѠ. XXV, 34.

2) МѠ VIII, 12; XXI, 43.

3) Лук XXII, 30.

4) МѠ. V, 5.

5) МѠ. XXIV, 7 пар.

6) МѠ. XXV, 34.

7) МѠ. VI, 12; VIII, 11; Лук VI, 23; XIII, 28-29.

8) МѠ VI, 20 пар. XIX, 21 пар.

9) Лук. X, 20; XVI, 9; Иоан XIV, 2.

10) МѠ. V, 20; VII, 21; XVIII, 3; XIX, 23, 24; Мр. IX, 47; X, 23-24-25; Лук. XVIII, 24-25. Примѣчательно, что „войти“ обычно въ futur

11) МѠ. XVI, 19; XXV, 34 сл. и др.

12) МѠ VI, 9-10; Лук. XI, 2.

κεν ἡ βασιλεία τοῦ Θεοῦ) ¹⁾, отсылаетъ къ іудаистическому представленію о предопредѣленномъ срокѣ откровенія небеснаго царства. Заслуживаютъ въ этомъ отношеніи вниманія болѣе конкретныя слова Христа въ заповѣди апостоламъ, посланнымъ на проповѣдь: „говорите имъ: *приблизилось къ вамъ (ἤγγικεν ἐφ' ὑμᾶς)* царство Божіе“ ²⁾. По этимъ словамъ, предсуществующія на небѣ блага царства Божія сходятъ къ человѣку, приближаются къ нему. То же значеніе скрыто и въ болѣе энергичномъ выраженіи *ἔφθασεν ἐφ' ὑμᾶς* изъ рѣчи Христа къ іудеямъ: „если Я духомъ Божіимъ изгоняю бѣсовъ, то, конечно, достигло до васъ (постигне на васъ, постигло васъ) царство Божіе“ ³⁾. Даже въ словахъ о мытаряхъ и блудницахъ, что они опережаютъ законниковъ на пути въ царство Божіе ⁴⁾, отражается іудаистическое представление о пространственно-временной границѣ царства Божія. Замѣтнѣе просачивается іудейская апокалиптика въ евангельскомъ образѣ грядущаго царства Божія, наступающаго при кончинѣ вѣка. Такъ въ изъясненіи притчи о плевелахъ, которое останавливаетъ на себѣ вниманіе тѣмъ, что въ немъ различается царство Сына Человѣческаго, какъ обнимающее, вмѣстѣ съ праведниками, также соблазны и дѣлающихъ беззаконіе, и царство Отца, какъ царство славы и силы ⁵⁾. На этомъ же языкѣ Христосъ говорилъ, что нѣкоторые изъ слушавшихъ Его проповѣдь до своей смерти увидятъ царство Божіе, пришедшее въ силу ⁶⁾. Что пришествіе царства Божія не ограничивается теократическою формою и земною сферою, а имѣетъ апокалиптическія перспективы, это подтверждается тѣмъ, что оно предваряется не только историческими событіями, но и міровыми катастрофами, затмѣніемъ солнца и луны, паденіемъ звѣздъ ⁷⁾. Небо и земля прейдуть ⁸⁾, кончится этотъ вѣкъ ⁹⁾, все бу-

¹⁾ Мр I, 15

²⁾ Лук X, 9

³⁾ Мѳ XII, 28; Лук XI, 20.

⁴⁾ Мѳ XXI, 31.

⁵⁾ Мѳ XIII, 39—43

⁶⁾ Мр IX, 1; Лук IX, 27; XXI, 32.

⁷⁾ Мѳ XXIV, 29; Мр XIII, 24—25; Лук XXI, 27

⁸⁾ Мѳ XXIV, 35 пар

⁹⁾ Мѳ XIII, 39; XXIV, 14

детъ новое ¹⁾, „новое вино въ царствѣ Божіемъ“ ²⁾).

Съ двумя видами царства Божія, теократическимъ и апокалиптическимъ, стоитъ, можетъ быть, въ связи двойной терминъ: царство Божіе и царство небесное, такъ что первый имѣетъ теократическій смыслъ, второй же—апокалиптический. Однако „царство Божіе“ употребляется не только въ активномъ значеніи, т.-е. въ теократическомъ значеніи царствованія Божія, но и въ пассивномъ значеніи области и строя, обнимающемъ и теократическое и апокалиптическое примѣненіе. „Царство небесное“ почти ограничивается страницами перваго евангелія ³⁾. Его нужно понимать въ смыслѣ апокалиптическаго языка іудаизма, т.-е. въ значеніи осуществленнаго на небѣ строя жизни, приходящаго оттуда на землю, открывающагося во времени. „Царство небесное“ (*ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν*) это—царство съ неба, какъ и Отецъ Небесный—Отецъ съ неба (*ὁ πατὴρ ὁ ἐξ οὐρανοῦ*) ⁴⁾. Впрочемъ и въ евангеліи Матѳея наряду съ „царствомъ небеснымъ“ употребляется „царство Божіе“ совершенно безразлично. Извѣстно также, что на іудаистическомъ языкѣ слово „небо“ замѣняетъ собою имя Божіе ⁵⁾, и царство небесное значитъ то же, что царство Божіе ⁶⁾. Нѣтъ основаній настаивать на рѣзкомъ и устойчивомъ различіи этихъ реченій.

Таковъ теократическо-апокалиптический языкъ евангельскаго ученія о царствѣ Божіемъ. Но уже то, что мы знаемъ вообще о методѣ евангельскаго ученія, не позволяетъ намъ идентифицировать его ветхозавѣтно-іудейскій языкъ съ его содержаніемъ. Такъ, въ частности, и теократическо-апокалиптический фонъ евангельскаго ученія о царствѣ Божіемъ не составляетъ ни всего этого ученія, ни даже части его. Въ самомъ дѣлѣ евангельское ученіе, данное предъ нами во всѣхъ другихъ отдѣлахъ его—объ Отцѣ Небесномъ, о духовной праведности, о вѣчной жизни, о спасеніи—вынуждаетъ насъ всѣмъ своимъ объемомъ признать, что іу-

¹⁾ Мѳ. XIX, 28.

²⁾ Мѳ. XXVI, 29 пар.

³⁾ Мѳ. III, 2; IV, 17 и т. д. Изъ другихъ евангелій Іоан. III, 5

⁴⁾ Лук. XI, 13.

⁵⁾ Мѳ. V, 34; XXIII, 22; Мр. XI, 30; Лук. XV, 18.

⁶⁾ Мѳ. VIII, 11—Лук. XIII, 28. 29

дейскія теократическо-апокалиптическія представленія о царствѣ Божіемъ не могутъ входить въ содержаніе евангелія. Сюда присоединяются прямыя указанія евангелія, обнаруживающія его отрицательное отношеніе специфически къ этимъ іудейскимъ представленіямъ. По вопросу о ветхозавѣтномъ теократизмѣ, о политическомъ характерѣ царства Божія, до насъ дошли не допускающія двухъ толкованій слова Христа о духовномъ характерѣ Его царства; Его царство не отъ міра сего (*οὐκ ἔστιν ἐκ τοῦ κόσμου τούτου*), оно совершенно не имѣетъ формы, пріемовъ и цѣли земныхъ царствъ, оно въ этихъ отношеніяхъ не отсюда (*οὐκ ἔστιν ἐντεῦθεν*),— оно въ господствѣ истины ¹⁾. Столь же рѣшительно евангеліе отбрасываетъ апокалиптическія представленія іудаизма. На вопросъ фарисеевъ, когда прійдетъ царство Божіе, —вопросъ, ярко изобличающій іудейскія представленія о царствѣ Божіемъ, какъ о благѣ, открывающемся съ неба въ предустановленный срокъ, Христось отвѣтилъ: „не придетъ царство Божіе съ наблюденіемъ (*μετὰ παρατηρήσεως* такъ чтобы его можно было наблюдать, примѣтнымъ образомъ), и не скажутъ: вотъ оно здѣсь или тамъ. Ибо, вотъ, царство Божіе внутри васъ, среди васъ“ (*ἐντὸς ὑμῶν ἔστιν*) ²⁾. Последнее выраженіе *ἐντὸς ὑμῶν* оставляетъ двойкаго пониманія: или „внутри васъ“, или „среди васъ“. Въ пользу послѣдняго перевода ссылаются на тотъ доводъ, что слова Христа были обращены къ фарисеямъ, въ душѣ которыхъ не было царства Божія. Этотъ доводъ однако не имѣетъ неотразимой силы, такъ какъ „внутри васъ“ можно принять въ общемъ смыслѣ, „внутри человѣка“, „въ его духѣ“. И если остановиться на переводѣ „среди васъ“, то все-же сохранится безспорною непримѣтность наступленія царства Божія: іудеи, въ погонѣ за внѣшними признаками царства Божія, проглядѣли его начало, такъ какъ оно, съ пришествіемъ Христа, уже становилось дѣйствительностью, реализовалось среди нихъ, хотя незамѣтно для нихъ. Здѣсь же нужно припомнить слово Христа, что „о днѣ томъ и часѣ“ знаетъ только Отець Небесный ³⁾, что объ немъ

1) Иоан. XVIII, 36—37.

2) Лук. XVII, 20—21.

3) Мѣ XXIV, 36 пар

нельзя знать по человѣчески, что этотъ срокъ не опредѣляется рационально ¹⁾. Это все достаточно убѣдительно, но можно идти еще далѣе.

Не трудно замѣтить послѣдовательный и устойчивый параллелизмъ въ евангельскихъ рѣчахъ между царствомъ Божиимъ и царствомъ Христа, пришествіемъ или откровеніемъ царства Божія и пришествіемъ или откровеніемъ Сына человѣческаго. Такъ Мѡ. XVI, 28 „Сынъ человѣческой, грядущій въ царствѣ своемъ“, а у Марка IX, 1 и Лук. IX, 27 „царство Божіе, пришедшее въ силѣ“. Или: у Лук. XVII, 30 „откровеніе (*ἀποκάλυψται*) Сына человѣческаго“, а XIX, 11 „явленіе (*ἀπαφάνισθαι*) царства Божія“. И этотъ параллелизмъ базируется на существѣ дѣла. Наступленіе царства Божія, его пришествіе въ силѣ, для Христа свидѣтельствуется не внѣшними признаками, а реальностью внутренняго блага, реальностью богосыновняго самосознанія. Для евангельской точки зрѣнія, въ отличіе отъ іудейской, на первомъ мѣстѣ стоитъ не царство Божіе, а царь этого царства. Евангельское сужденіе не таково: „если настало царство Божіе, то долженъ быть кто-нибудь царемъ“, но таково: „если пришелъ царь, то, слѣдовательно, настало царство Божіе“ Христосъ говоритъ: „если Я духомъ Божиимъ изгоняю бѣсовъ, то достигло до васъ царство Божіе“ ²⁾. Въ міровоззрѣніи іудеевъ цѣлями и свойствами царства Божія опредѣлялись задачи, свойства и приемы его Мессии-царя; въ евангелии же свойствами и цѣлями Христа, Сына человѣческаго, предопредѣляется безъ малѣйшаго остатка характеръ царства Божія. Когда Христосъ требовалъ отъ Своихъ слушателей оставить домъ, жену, братьевъ, родителей, дѣтей *ради царства Божія* (*ἕνεκεν τῆς βασιλείας τοῦ θεοῦ* Лук. XVIII, 29), то это требованіе для нихъ реально и всецѣло было требованіемъ оставить домъ, братьевъ, сестеръ, отца, мать, жену, дѣтей, земли *ради Христа и Его евангелія* (*ἕνεκεν ἑμοῦ καὶ ἕνεκεν τοῦ εὐαγγελίου* Мр. X, 29). Поэтому все, что мы знаемъ о личномъ отрицательномъ отношеніи Христа къ іудейскому идеалу Мессии, сына Давидова, и къ апокалиптическому образу Сына человѣческаго, является рѣшающимъ

¹⁾ Ср. Дьян I, 7

²⁾ Мѡ XII, 28; Лук. XI, 20.

для евангельскаго ученія о царствѣ Божіемъ. Христось начинаетъ Свою проповѣдь съ религіозныхъ представленій іудаизма о царствѣ Божіемъ, принимаетъ предложеніе іудеевъ занять мѣсто царя въ теократическомъ царствѣ и торжественно идетъ въ Іерусалимъ, столицу этого царства, но идетъ не на облакахъ небесныхъ и даже не на конѣ, а на ослѣ, кроткій и уничиженный, и по царскому пути Онъ вноситъ въ предѣлы іудаизма новый духъ, котораго не въ состояніи вынести старыя формы іудейскихъ ожиданій. Съ замѣною внѣшней теократіи господствомъ истины и съ замѣною небесной славы Сына человѣческаго внѣшнимъ уничиженіемъ Христа отъ іудейскаго теократизма и отъ іудейской апокалиптики уже ничего не остается для евангельскаго ученія о царствѣ Божіемъ.

Этотъ выводъ нужно признать не только безспорнымъ, но и очевиднымъ. Однако имъ не исчерпывается весь вопросъ. Если для евангельскаго термина „царство Божіе“, для его содержанія, ничего не остается отъ іудейскаго міровоззрѣнія, и онъ является условнымъ знакомъ, подъ которымъ проводится новое ученіе, то все-же остается возможность двухъ путей евангельскаго ученія: или оно даетъ новое понятіе царства Божія, новую идею его, или же этотъ терминъ остается только условнымъ знакомъ для всего новаго ученія безъ специфическаго содержанія. Обще-литературныя традиціи заставляютъ ожидать первой половины этой альтернативы: каждое новое философское ученіе, заимствуя старыя термины, можетъ избѣгать неясностей и загадочности выясненіемъ и точной формулировкой новыхъ, соединенныхъ съ ними, понятій. Между тѣмъ евангеліе въ своемъ ученіи о царствѣ Божіемъ идетъ по другому пути альтернативы: оно не имѣетъ своей идеи царства Божія, и его рѣчи о царствѣ Божіемъ обладаютъ всѣми признаками непрерывной притчи, загадки. Нѣтъ евангельской идеи царства Божія, и было бы явнымъ заблужденіемъ—думать, что изъ понятія царства Божія можно дедуктивно извлечь какое бы то ни было евангельское содержаніе. И если, съ одной стороны, нельзя представить историческій обликъ евангельскаго ученія безъ антитетическаго отношенія его къ іудейскимъ понятіямъ, вообще, и къ іудейскому представленію о царствѣ Божіемъ, въ частности; то, съ другой стороны, по-

ложительное содержаніе евангелія можно изложить совершенно не упоминая термина „царство Божіе“, совершенно не прибѣгая къ понятію царства Божія ¹⁾). Иудейское понятіе

¹⁾ Этотъ тезисъ не составляетъ для серьезной богословской науки новости, но тѣмъ настойчивѣе нужно выставлять его въ виду патологической склонности фельетоннаго богословія злоупотреблять идеей царства Божія. Злоупотребленія эти начались издавна (и многому могла бы научить насъ церковная исторія), но особенно назойливо зародилась публицистическая литература по вопросу о царствѣ Божіемъ въ послѣднее время, въ періодъ религіозной, или христіанской общественности. Современные запросы религіознаго освященія общественной жизни такъ настоятельны, что слабые мыслители не могутъ не подпасть искушенію подчинить религію текущимъ интересамъ соціальной программы. Тогда какъ въ сердцѣ глубокихъ натуръ религія неизмѣнно держится на высотѣ вѣчности, давая полную свободу соціальной условности и освящая ее изъ подпочвенной глубины личной абсолютности,—общественные дѣятели и публицисты каждой эпохи неизмѣнно хотятъ, чтобы религія стояла за выплывающіе интересы и за устанавливающійся строй. Если въ былые времена христіанство призывало для цѣлей политическаго устройства обществъ, укрѣпленія власти, воспитанія воинственности, то въ наше время общественно-экономическихъ интересовъ и христіанство не должно имѣть иной цѣли кромѣ устройства коопераций, взаимопомощи, заботы о народномъ здравіи, о процвѣтаніи народнаго искусства и т. д. Тутъ и приобретаетъ первенствующее значеніе идея царства Божія (съ одной стороны, этимъ образомъ дается безспорный намекъ на какое-то устраненіе соціальныхъ золъ, на какое-то водвореніе въ земной юдоли общественнаго блага, на какое-то рѣшеніе мучащихъ нашу душу программныхъ вопросовъ. Съ другой стороны, соблазнительна пустота евангельскаго образа царства Божія, соблазнительно отсутствіе какихъ бы то ни было сдерживающихъ мысль положительныхъ началъ, увлекательна для слабыхъ мыслителей безпашная возможность отдаться потоку наивѣваемыхъ современностью желаній и идеаловъ. И вотъ, какіе только общественные идеалы проходятъ чрезъ мягкую душу фельетониста-богослова, всё они поспѣшно и легкомысленно ставятся подъ флагъ развивающейся идеи царства Божія. И это еще сравнительно болѣе глубокіе мыслители и сравнительно болѣе религіозныя души, если такіе публицисты-богословы воскрешаютъ ветхозавѣтную идею царства Божія, хотя вмѣсто воскресшей жизни мы можемъ наблюдать лишь искусственно оживленную маріонетку, такъ какъ теократія на евангельскомъ фонѣ заранѣе обречена на участь мертворожденной концепціи. Обычно же подъ флагъ этой идеи подводятся простые гуманитарные идеалы, житейскія соціальныя вождельствія. Надѣются съ помощью гуманнаго образа царства Божія, какъ нѣкоей панацеи, умиротворить всё волнующіе насъ вопросы—семейные, церковно-государственные и под. Не смущаются даже тѣмъ, что въ этомъ случаѣ не оказывается подъ руками живого родника, изъ котораго можно было бы черпать руководящія начала, что имѣютъ дѣло

царства Божія не смѣняется въ евангеліи новымъ понятіемъ царства Божія, новой идеей, но служить для евангельскаго ученія условнымъ образомъ, или формою, которая наполняется новымъ *расширеннымъ* содержаніемъ. Это можно сказать о каждомъ изъ основныхъ евангельскихъ понятій, заимствованныхъ изъ іудейской сокровищницы, преимущественно же—о царствѣ Божіемъ, которое является самою общою формою евангельскаго ученія. Ветхозавѣтнымъ понятіямъ праведности, вѣчной жизни, спасенія соотвѣтствуютъ новозавѣтныя понятія духовной праведности, вѣчной жизни и спасенія: хотя характеръ образности и условности не устранимъ отъ этихъ новозавѣтныхъ терминовъ, хотя эти новозавѣтныя понятія отличаются отъ соотвѣтствующихъ ветхозавѣтныхъ понятій не только новизною содержанія, но и объемомъ, поскольку ветхозавѣтныя понятія обладали условною опредѣленностью и точностью, тогда какъ въ новозавѣтныхъ терминахъ на первый планъ выступаетъ общій имъ религіозный опытъ, и легче разграничить праведность и спасеніе, дѣло и награду на ветхозавѣтной почвѣ, чѣмъ на новозавѣтной, тѣмъ не менѣе нѣкоторое соотвѣтствіе въ содержаніи понятій и ихъ объемъ можетъ быть указано.

— — — — —

съ пустымъ колодезю, что пускаютъ въ оборотъ отвѣтъ заимствованную влагу. И можетъ быть эта влага не всегда оказывается соленою водою, не утоляющею жажды, можетъ быть это свѣжая вода, нужная и полезная. Но во всякомъ случаѣ это не глубокий, неисчерпаемый религіозный источникъ, а утилитарныя рыночныя кружки: не трудно указать источникъ этого мнимо-религіознаго освѣщенія жизни въ передовой статьѣ модной газеты и въ тощихъ соціальныхъ брошюрахъ. Научное богословіе имѣетъ долгъ сорвать маску съ этихъ фигуряствующихъ богослововъ-публицистовъ и со всею рѣшительностью заявить: евангельской идеи царства Божія не существуетъ. Въ системѣ евангельскаго ученія „царство Божіе“ выступаетъ неизмѣнно въ яркихъ чертахъ ветхозавѣтнаго образа, при чемъ реальное содержаніе связанныхъ съ нимъ ветхозавѣтныхъ представлений рѣшительно отбрасывается, и самый образъ наполняется не специфическимъ новымъ содержаніемъ, а общимъ евангельскимъ ученіемъ. Новизна содержанія и расширенный объемъ, котораго уже не можетъ вмѣстить старый образъ, дѣлаютъ изъ послѣдняго крайне условное обозначеніе евангельской проповѣди. И въ рукахъ богословствующихъ публицистовъ и фельетонствующихъ богослововъ этотъ условный знакъ, взятый въ своемъ специальномъ значеніи, лишается какого бы то ни было содержанія, оказывается демонстративною тряпкой, дѣтскою побрякушкой.

Между тѣмъ ветхозавѣтный образъ царства Божія, съ которымъ связывались опредѣленные религіозныя представленія и опредѣленные ожиданія, не находитъ себѣ ничего, специфически соотвѣтствующаго въ евангеліи, такъ какъ этотъ образъ служить здѣсь условнымъ обозначеніемъ не опредѣленной группы представленій, а всего евангельскаго ученія, всѣхъ евангельскихъ благъ, или, лучше сказать, сдинаго евангельскаго блага. По этой крайней своей общности евангельскій терминъ царства Божія болѣе удаленъ отъ опытныхъ основъ новой религіи и лишенъ собственного содержанія, чѣмъ остальные евангельскіе основные термины: онъ является не однимъ наряду съ другими, но обнимаетъ другіе. Если богосыновство, духовная праведность, вѣчная жизнь и спасеніе составляютъ разныя стороны евангельской религіи, то образъ царства Божія обозначаетъ не новую сторону, не новый отдѣлъ въ евангельскомъ ученіи, но обобщаетъ всѣ эти стороны, всѣ эти отдѣлы. Это самая общая форма евангельскаго ученія: она наполняется всѣми остальными отдѣлами евангельскаго ученія и безъ нихъ оказывается *пустою* формою.

Мы уже видѣли, что въ евангеліи рядомъ съ образомъ царства Божія стоятъ образы Христа-царя и Сына человѣческаго и, чрезъ посредство этихъ образовъ, ученіе о царствѣ Божіемъ смѣняется ученіемъ о христіанскомъ спасеніи. Все содержаніе христіанскаго спасенія вводится въ рамки ветхозавѣтно-іудейскаго образа царства Божія. Но евангельская сотеріологія обнимаетъ болѣе реальныя цѣнности богосыновняго опыта, духовной праведности и вѣчной жизни, и всѣ эти цѣнности мыслятся въ образѣ царства Божія.

Такъ, помимо евангельскаго богосыновняго опыта нѣтъ пути въ царство Божіе. Новозавѣтное царство Божіе есть царство Отца Небеснаго ¹⁾ Вотъ гдѣ дѣлается первая роковая брешь въ стройной системѣ іудейскихъ чаяній, и начинается замѣна іудаизма новозавѣтнымъ духомъ: царство Божіе не есть внѣшняя теократія въ средѣ богоизбраннаго народа, но это—духовное царство, которое дается вѣрующимъ отъ Отца Небеснаго. Все, что внушается истиной Бого-отчества, все это входитъ въ кругъ мыслей и чувствъ,

¹⁾ МѠ XXVI, 29, .Лук. XII, 32

реализующихъ царство Божіе. Въ евангельской молитвѣ, повидимому, все старое—и освященіе имени Іеговы, и пришествіе царства Его, и исполненіе воли Его, но начало новое—вѣра въ Отца Небеснаго, и этотъ начальный свѣтъ пронизываетъ всѣ старыя образы: въ устахъ Христа и Его учениковъ святится имя Отца, приходитъ царство Отца, исполняется воля Отца. Идея Небеснаго Отца даетъ своеобразный отпечатокъ всему, съ чѣмъ соприкасается. Форма царства Божія чрезъ эту идею согрѣвается тепломъ любви и всепрощенія. Такъ какъ Отецъ Небесный повелѣваетъ прощать согрѣшающимъ, то царство небесное подобно царю, который захотѣлъ сосчитаться съ рабами своими и который милуетъ милостиваго и гнѣвается на немилосердныхъ ¹⁾. Отъ царства небеснаго недалеко лишь тотъ, кто всѣмъ сердцемъ любитъ Бога и ближняго ²⁾. Въ глубочайшія дебри іудаизма вносится этотъ новый духъ евангелія и освѣщаетъ ихъ своимъ новымъ сіяніемъ: уготованное отъ созданія міра царство наследуется благословенными Отца Небеснаго, возлюбившими меньшихъ братьевъ Христа ³⁾. Не тому учило евангеліе іудеевъ, что будетъ судъ, что придетъ Сынъ Человѣческій во славу Своей и сядетъ на престолъ славы Своей,—всего этого ждали сами іудеи: евангеліе учило ихъ и учитъ насъ, за что человѣкъ будетъ судимъ и осужденъ...

Затѣмъ царство Божіе стоитъ въ связи съ праведностью. Новозавѣтная праведность служитъ облаченіемъ богочеловѣческой любви,—и такъ какъ любовь прежде всего наполняетъ форму царства Божія, то и праведность имѣетъ для царства Божія то же значеніе. Въ царство Божіе могутъ войти лишь обладающіе духовною праведностью ⁴⁾. Въ евангельскомъ ученіи о царствѣ Божіемъ не то возвѣщается, что настало или настанетъ царство Божіе, но то, подъ какимъ условіемъ можно войти въ царство Божіе. Евангеліе не объясняетъ іудеямъ, вѣрно ли они понимаютъ царство Божіе или невѣрно, и что именно подъ нимъ нужно разумѣть. Оно принимаетъ ихъ ожиданія и изъ нихъ дѣлаетъ неизбѣжные выводы: оно объясняетъ, что ожидающіе цар-

1) Мѣ. XVIII, 21—35

2) Мр XII, 32—34

3) Мѣ XXV, 34 сл

4) Мѣ V, 20 ср XIII, 43; XXV, 46

ства Божія обязываются къ Божіей правдѣ. Въ царство Божіе войдетъ не тотъ, кто лицемѣрно славить Господа, но тотъ, кто исполняетъ волю Отца Небеснаго ¹⁾, кто научаетъ другихъ и исполняетъ самъ заповѣданное ²⁾. Ожиданіе царства Божія съ евангельской точки зрѣнія оказывается путемъ, приводящимъ къ правдѣ Божіей, и образъ царства Божія становится формою, въ которой проповѣдуется праведность. Исканіе царства Божія, если оно не служитъ прикрытіемъ земныхъ расчетовъ, если оно искренно и дѣйствительно, есть исканіе правды Божіей: „ищите прежде царства и правды его“ (*τὴν βασιλείαν καὶ τὴν δικαιοσύνην αὐτοῦ*) ³⁾. Примѣчательно, что требованіе рѣшительнаго слѣдованія правдѣ Божіей и требованіе безграничной жертвы для царства Божія представляются взаимно замѣнимыми. Съ одной стороны, евангеліе ублажаетъ алчущихъ и жаждущихъ правды, устремляющихся къ ней всѣми силами своей души, претерпѣвающихъ ради нея всякія гоненія, не останавливающихся ни предъ какими жертвами для нея ⁴⁾. Съ другой стороны, оно требуетъ ради царства Божія жертвы даже правой рукой и правымъ глазомъ ⁵⁾; оно говоритъ объ оскотленіи для царства небеснаго ⁶⁾ и объ оставленіи для него дома, родителей, дѣтей ⁷⁾; оно уподобляетъ царство Божіе сокровищу и драгоценной жемчужинѣ, ради которыхъ человѣкъ продаетъ все имѣніе ⁸⁾. Легко видѣть, что царство Божіе предъявляетъ людямъ такія требованія, поскольку оно содержитъ въ себѣ правду Божию. Усиліями евангельской правды царство Божіе переходитъ изъ области пассивныхъ мечтаній и разслабляющихъ ожиданій въ сферу активной дѣятельности, пробужденной силы ⁹⁾. Характеристично для евангельскаго ученія то, что приближеніе и даже наступленіе царства Божія, исполненіе предопредѣленныхъ

1) Мѣ VII, 21. 22.

2) Мѣ. V, 19

3) Мѣ. VI, 33

4) Мѣ. V, 6 10.

5) Мѣ V, 29 30; XVIII, 8 9; Мр. IX, 43—47

6) Мѣ XIX, 12.

7) Лук XVIII, 29

8) Мч. XIII, 44—46

9) Мѣ XI, 12; Лук. XVI, 16

временъ, не только не ослабляетъ напряженія, съ которымъ ожидалось царство Божіе, но усиливаетъ его, изъ области чувства переводитъ въ область воли. Исполнилось время и пришло царство Божіе,—это значитъ, что исполнилось время мечтаній и настало время усиленной духовной дѣятельности, время возрождающаго покаянія и спасительной вѣры въ евангеліе ¹⁾. Пришло время пробужденія силъ человѣческаго духа, время безповоротнаго рѣшенія и беспредѣльной работы, такъ какъ никто, возложившій руку свою на плугъ и озирающійся назадъ, не благонадеженъ для царства Божія ²⁾. Царство Божіе награждаетъ своими благами усиліе и трудъ, дается работникамъ: царство небесное подобно хозяину дома, который вышелъ рано поутру нанять работниковъ въ виноградникъ свой ³⁾. Сюда же относятся притчи о вѣрномъ и благоразумномъ рабѣ и о талантахъ ⁴⁾. Мы уже знаемъ, что праведность евангеліемъ проповѣдуется не внѣшняя, законническая, а духовная, творческая, и что юридическій языкъ имѣетъ въ евангеліи образное значеніе, но это и обосновываетъ особенную важность сочетанія царства Божія съ праведностью, какъ съ условіемъ его наступленія: вслѣдствіе духовнаго характера новозавѣтной праведности сочетание ея съ царствомъ Божіимъ указываетъ въ ней не внѣшнее условіе, а субъективную основу и реальное содержаніе царства Божія. И апостоль Павелъ остается вѣрнымъ духу евангельской проповѣди, свидѣтельствуя вмѣстѣ съ тѣмъ о произведенномъ ею переворотѣ въ іудейскомъ міросозерцаніи, когда онъ пишетъ, что царство Божіе (*ἡ βασιλεία τοῦ Θεοῦ*) есть сама праведность (*δικαιοσύνη*)—праведность, миръ и радость во святомъ духѣ ⁵⁾. И если царство Божіе въ евангеліи выставляется въ качествѣ награды, а изверженіе изъ царства—въ качествѣ наказанія ⁶⁾, то это не заставляетъ насъ разграничивать праведность и царство Божіе,—это значитъ лишь то, что царство Божіе есть больше, чѣмъ праведность. Но праведность входитъ въ содержаніе

1) Мр. I, 15.

2) Лук IX, 62

3) Мѳ XX, 1 сл.

4) Мѳ. XXIV, 45—51; XXV, 14—18.

5) Рим XIV, 17

6) Мѳ V, 3 сл. VIII, 12

царства Божія,—и не только праведность, но и все, что наполняетъ самую правду новозавѣтную, реализуетъ ее въ болѣе конкретномъ видѣ. Царство Божіе принадлежитъ нищимъ духомъ, дѣтямъ и умалившимся какъ дѣти,—напрогивъ, трудно имѣющимъ богатство или надѣющимся на добря дѣла войти въ царство Божіе ¹⁾ и т. д. Во всѣхъ этихъ сочетаніяхъ ударяется не на наградѣ, а на условіи, на духовной энергіи, которою обусловливается царство Божіе: духовное усиліе даетъ содержаніе царству Божію, и въ условіи его наступленія скрывается молчаливая, но неустраняемая корректура старыхъ преставленій о царствѣ Божіемъ. Царство Божіе стало въ евангельской проповѣди западнею для всѣхъ ожидавшихъ его: царство Божіе истинно и неотъемлемо принадлежитъ лишь тѣмъ, которые приносятъ „плоды его“ ²⁾.

Впрочемъ царство Божіе не ограничивается одною праведностью. Оно не есть дѣло однѣхъ человѣческихъ силъ, но оно вмѣстѣ съ тѣмъ есть даръ божественный. Оно не есть только задача для человѣка, но и благо для него. Царство Божіе не только праведность, но и вѣчная жизнь. Если Отецъ Небесный, по свойству Своей благодати, можетъ давать человѣку только блага, и всѣ истинныя блага посылаются Отцомъ Небеснымъ ³⁾; если, затѣмъ, царство небесное уготовано праведникамъ Отцомъ Небеснымъ, и Онъ благоволилъ дать царство вѣрующимъ ⁴⁾, то, слѣдовательно, царство Божіе и есть то благо, или совокупность тѣхъ благъ, которыя даруются людямъ Отцомъ Небеснымъ. Царство Божіе не только внушаетъ человѣку этической долгъ, требуетъ отъ него усилій и дѣла, но и дѣлаетъ для него возможнымъ интимный опытъ религіозной абсолютности, дѣлаетъ для него дѣйствительностью благо вѣчной жизни. И тѣ жертвы, которыя требуются отъ человѣка для устройства на землѣ царства Божія, это не суть жертвы суроваго долга,—это радостныя жертвы низшими благами ради благъ высшихъ. Намъ заповѣдано искать прежде всего царства Божія и правды его, потому что съ наступленіемъ царства

1) Мр. X, 23 пар

2) Мѣ XXI, 43.

3) Мѣ VII, 11

4) Мѣ. XXV, 34; Лук. XII, 32

Божія все остальное приложится намъ ¹⁾, т.-е. наступитъ полное удовлетвореніе. Отъ человѣка требуется ради царства Божія оставить все имѣніе, отсѣчь все соблазняющее, но принести эти жертвы человѣку „радостно“, такъ какъ царство небесное есть сокровище, съ которымъ ничто не можетъ сравниться по цѣнности ²⁾. Какъ благо абсолютной жизни, превышающее всякую земную цѣнность, царство Божіе устрояется на землѣ Божіею силою: оно есть откровеніе божественной жизни, божественной абсолютности, въ предѣлахъ человѣческаго опыта. Когда Христосъ разъяснялъ Своимъ ученикамъ, какъ трудно надѣющимся на богатство войти въ царство Божіе, и ученики, чрезвычайно изумившись, говорили между собою: кто же можетъ спастись,—Онъ отвѣтилъ: у людей это невозможно, у Бога же все возможно ³⁾. Божіе царство есть не человѣческое, но Божіе дѣло. Такъ какъ Богъ выше міра, то Его дѣйствіе въ мірѣ для устроенія Своего царства отличается характеромъ творческимъ и сверхъестественнымъ, чудеснымъ. Царство Божіе есть дѣло божественнаго творчества, и оно приходитъ на землю въ видѣ чудесъ, которыя приносятъ человѣку спасеніе-здоровье и удаляютъ отъ него страданія и бѣдствія. Чудеса—начало царства Божія, его признакъ, его осуществленіе. Они—знаменіе новаго времени. Въ этомъ смыслѣ Христосъ отвѣтилъ на сомнѣніе Іоанна ⁴⁾, на невѣріе городовъ ⁵⁾ и на хулу фарисеевъ ⁶⁾. Однако чудеса Христа были лишь символомъ духовныхъ благъ вѣчной жизни ⁷⁾. Подлинное благо, которое даруется Отцомъ Небеснымъ, есть духъ святой ⁸⁾, т.-е. общеніе съ Богомъ, усвоеніе Его божественной жизни,—подлинное благо въ духовной вѣчной жизни. Для евангелія духовная вѣчная жизнь совпадаетъ съ царствомъ Божіимъ, доставляетъ ему существенное содержаніе. Это совпаденіе легко подтвердить текстуально. Еван-

1) Мѡ. VI, 33; Лук. XII, 31

2) Мѡ. XIII, 44—46

3) Мѡ. XIX, 26 пар

4) Мѡ. XI, 4—5 пар

5) Мѡ. XI, 20—24 пар

6) Мѡ. XII, 28; Лук. XI, 20

7) Лук. VII, 17—20 и др

8) Мѡ. VII, 11.—Лук. XI, 13.

гельскія выраженія „вѣчная жизнь“ и „царство Божіе“ замѣняются одно другимъ: „имѣть жизнь вѣчную“ ¹⁾, или „наслѣдовать жизнь вѣчную“ ²⁾, „войти въ жизнь“ ³⁾, „путь, ведущій въ жизнь“ ⁴⁾—эти выраженія употребляются въ томъ же значеніи, что и „наслѣдовать царство“ ⁵⁾, „войти въ царство Божіе“ ⁶⁾, „войти въ царство небесное“ ⁷⁾, путь въ царство Божіе, на которомъ можно быть впереди или позади другихъ ⁸⁾. Царство Божіе совпадаетъ съ вѣчною жизнью, поскольку оно означаетъ полноту благъ, даруемыхъ Отцомъ Небеснымъ. И всѣ частныя стороны вѣчной жизни, его частныя блага суть блага царства Божія—блага богосынства, свободы, познанія истины, всепрощенія и пр.

Какъ праведность и вѣчная жизнь, царство Божіе не есть будущее, или—только будущее: оно—настоящее. Царство Божіе уже приблизилось къ людямъ ⁹⁾, достигло до нихъ ¹⁰⁾, оно благовѣстствуется ¹¹⁾, оно среди людей и въ ихъ сердцахъ ¹²⁾, оно берется силою и употребляющіе усиліе входятъ въ него ¹³⁾, мытари и блудницы идутъ въ царство Божіе впереди законниковъ ¹⁴⁾, а богатые съ трудомъ входятъ въ него (*εὐδωροῦνται*) ¹⁵⁾. Евангеліе знаетъ людей, которые оскопили себя для царства Божія ¹⁶⁾, оставили для него домъ, родителей ¹⁷⁾ и пр. Напротивъ, книжники и фарисеи затворя-

1) МѠ XIX, 16.

2) Мр X, 17; Лук XVIII, 18

3) МѠ XIX, 17

4) МѠ VII, 14

5) МѠ XXV, 34.

6) Мр IX, 47 ср съ IX, 43, 45 и МѠ XVIII, 5. 9) МѠ XIX, 24 ср съ XIX, 16, 17; Лук XVIII, 24—25.

7) МѠ VII, 21 ср съ VII, 14; XVIII, 3; XIX, 23 ср съ 24

8) МѠ XXI, 31

9) МѠ IV, 17; X, 7; Мр. I, 15

10) МѠ XII, 28; Лук XI, 20

11) Лук XVI, 16 ср. МѠ XI, 5, Лук VII, 22. *πρωτοὶ εὐαγγελίζονται*. Ср. также Лук IV, 18—21.

12) Лук XVII, 20—21

13) МѠ XI, 12; Лук XVI, 16

14) МѠ XXI, 31.

15) Лук XVIII, 24 Ср для praes. МѠ XI, 11; XVIII, 1; XIX, 14. Мр X, 24—15; Лук XVIII, 16, 17; Иоан III, 3—5.

16) МѠ XIX, 12.

17) Лук XVIII, 29, 30

ютъ царство небесное предъ людьми, сами не входятъ и другимъ препятствуютъ ¹⁾). Идея осуществившейся реальности вносится въ самые образы іудейской апокалиптики.

Мы кратко, схематически, намѣтили содержаніе царства Божія: детальнѣе и полнѣе изложить евангельское ученіе о царствѣ Божіемъ значило бы повторить все евангельское ученіе о богосыновствѣ, духовной праведности, вѣчной жизни и спасеніи.

Однако ученіемъ о богосыновствѣ, духовной праведности, вѣчной жизни и спасеніи не исчерпывается евангельское ученіе о царствѣ Божіемъ. Въ его объемъ нужно включить еще эккліасіастическій элементъ. Можно было бы и евангельское ученіе о церкви изложить ранѣе ученія о царствѣ Божіемъ, чтобы выдержать мысль о формальномъ значеніи царства Божія въ системѣ евангельскаго ученія. Но вообще искусственная последовательность не въ духѣ евангельской системы. Церковность же тѣмъ отличается отъ другихъ евангельскихъ реальностей, что она реально соотвѣтствуетъ старымъ представленіямъ о царствѣ Божіемъ. Богосыновняя абсолютность, духовная праведность, вѣчная жизнь и спасеніе, въ ихъ евангельскомъ смыслѣ, не соизмѣримы по своему содержанію съ іудейскими представленіями о царствѣ Божіемъ. Напротивъ, понятіе церкви, какъ общества учениковъ евангелія, прямо соотвѣтствуетъ древнему представленію о царствѣ Божіемъ, поскольку идеей царства Божія неизбѣжно предполагается, кромѣ царской власти Бога и области Его владычества, организованный союзъ входящихъ въ его объемъ составныхъ частей ²⁾). Поэтому эккліасіастическій элементъ евангельской проповѣди является вполне умѣстнымъ въ евангельскомъ ученіи о царствѣ Божіемъ. Тогда какъ для новыхъ духовныхъ цѣнностей богосыновства, праведности, вѣчной жизни и спасенія старый образъ царства Божія оказывается лишь утонченнымъ символомъ ихъ, отвлеченнымъ символомъ идеи царствованія Божія въ душѣ чловѣка, причемъ эта символизация достигается осязательною измѣною старому представленію и неизбѣжною

¹⁾ Мѣ. XXIII, 13.

²⁾ Ср. Мѣ. XII, 25—28 пар.

образностью новой идеи,—въ евангельской церковности образъ царства Божія какъ-бы воплощается, получаетъ плоть и кровь, становится реальностью. Впрочемъ не слѣдуетъ преувеличивать этого значенія церкви для евангельскаго ученія о царствѣ Божіемъ. Нужно принять во вниманіе и должнымъ образомъ оцѣнить два пункта въ этомъ предметѣ. Во-первыхъ, церковь составляетъ лишь одну сторону въ евангельскомъ ученіи о царствѣ Божіемъ, и этою стороною не отмѣняется то его содержаніе, которое дается ему реальностями богосыновства, духовной праведности, вѣчной жизни и спасенія, и для котораго образъ царства Божія остается символическою формою. Во-вторыхъ, въ евангельскомъ ученіи церковь имѣетъ значеніе не основное, а производное, вторичное. Этихъ замѣчаній достаточно, чтобы было ясно, что реальное соотвѣтствіе новозавѣтной церковности и іудейскаго образа царства Божія, устранимая изъ евангельской системы искусственную послѣдовательность отвлеченнаго мышленія, ничего не отмѣняетъ въ главной мысли о формально-символическомъ смыслѣ царства Божія на страницахъ евангелія, такъ что это реальное содержаніе царства Божія нужно разсматривать какъ частичное добавленіе къ его главному значенію, а не какъ видоизмѣненіе послѣдняго. Тутъ было бы погрѣшностью упустить изъ виду то обстоятельство, что евангельская церковность никакъ не представляетъ изъ себя вывода изъ идеи царства Божія, что она базируется на собственныхъ евангельскихъ основахъ, такъ что ея соотвѣтствіе древнему образу царства Божія является не болѣе, какъ аналогіей ¹⁾. Такимъ образомъ и церковность не составляетъ въ евангельской системѣ вѣшняго нароста,—и евангельское ученіе о церкви всецѣло объясняется изъ его основныхъ данныхъ ²⁾.

1) Это—совпаденіе одной стороны (не самой существенной) іудейскаго „царства Божія“ съ однимъ пунктомъ (тоже не существеннымъ) евангельскаго ученія.

2) У начинающихъ писателей, вообще, и богослововъ, въ особенности, наблюдается непреодолимая тенденція къ преувеличенной оцѣнкѣ предмета обсужденія. Это сопровождается обычною спеціальностью богословскихъ монографій. Избранному предмету своей диссертациі какого-нибудь церковно-историческаго дѣятели неизбежно кажется, что это первенствующій церковный дѣятель. Остановившій свое вниманіе на какомъ-либо богословскомъ вопросѣ, вырванномъ изъ системы христіанской

Въ богословіи много мѣста отводится разсужденіямъ на тему объ отношеніи царства Божія къ церкви. Этотъ вопросъ обычно затемняется съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны, подъ царствомъ Божиимъ разумѣють не символическій образъ, условно обозначающій общее евангельское содержаніе, а опредѣленную идею съ специфическимъ содержаніемъ. Съ другой стороны, смѣшиваютъ современный видъ церкви съ тѣмъ смысломъ, какой имѣють евангельскія рѣчи о церкви. Такимъ образомъ устанавливается отношеніе іудейской теократическо-апокалиптической мысли, въ большей или меньшей остротѣ гуманизированной, и современнаго церковнаго строя. Можно спорить о томъ, какой интересъ имѣють эти сопоставленія, но выше спора, что они не затрагиваютъ евангельскаго ученія. Мы видѣли, что въ евангеліи царствомъ Божиимъ обозначается не специфическая идея, а все содержаніе евангельскаго ученія,—и мы легко можемъ видѣть, что для евангелія церковь является вгоростепенною реальностью, вытекающею изъ основныхъ данныхъ евангельской проповѣди. Отношеніе царства Божія къ церкви оказывается отношеніемъ цѣлаго (евангельскаго ученія) къ его части ¹⁾.

мысли, неизбѣжно приводя къ убѣжденію, что это вопросъ первостепенной важности. Особенно разбухаетъ эта тенденція, если поднятый вопросъ напыгается современными интересами религиозной практики. Только научная опытность, объективность мысли и систематическій крутозоръ приучаютъ цѣпить надлежащее мѣсто каждаго звена въ цѣпи христіанскаго ученія. Чистый научный интересъ въ томъ, чтобы исчерпать все содержаніе того или другого памятника и охранный его отъ всякихъ стороннихъ привнесеній, чтобы указать, что въ немъ есть и чего нѣтъ, чтобы выдвинуть пункты наиболѣе важные въ системѣ и указать свое мѣсто наименѣе важнымъ. Въ изложеніи евангельскаго ученія нынѣ самымъ главнымъ нужно считать твердость и выдержанность въ разграниченіи того, чему евангеліе учитъ и чему не учитъ. Въ частности, въ вопросѣ о церкви важно съ возможною ясностью представлять себѣ и то, чему учитъ евангеліе, и то, чему оно не учитъ. Въ евангельской системѣ можетъ найти себѣ мѣсто лишь тотъ образъ церкви, который входитъ въ основныя очертанія евангельской мысли, объясняется изъ существенныхъ терминовъ евангельской проповѣди. Здѣсь особенно нужно помнить о границахъ вопроса, о степени его важности.

1) Наряду съ этимъ существеннымъ отношеніемъ царства Божія и церкви, не трудно понять возможность популярной идеи совпаденія царства Божія и церкви. При основномъ недостаткѣ этой идеи—при забвѣ-

Слово *церковь* встрѣчается въ евангеліи только два раза, и именно въ евангеліи Матѳея: XVI, 18. 19 въ отвѣтъ Христа на исповѣданіе Петра о созданіи Имъ на „этомъ камнѣ“ (исповѣданія) „Своей церкви“ и о дарованіи ему ключей царства небеснаго,—XVIII, 15—20 въ заповѣди Христа доносить церкви на согрѣшившаго брата и обѣтованіи Его быть тамъ, гдѣ двое или трое собраны во имя Его.

Въ языкѣ евангелія Матѳея мы наблюдаемъ наиболѣе слѣдовъ іудейскаго міровоззрѣнія,—и это придаетъ немало важное значеніе тому, что слово *церковь* встрѣчается только въ этомъ евангеліи. Это слово взято изъ іудейскаго вокабуляра. Іудеи имѣли понятіе церкви, религіознаго общества, кагала, какъ общества истинныхъ поклонниковъ Іеговы, не совпадавшаго съ политическими и національными границами Израіля. И Христосъ, такимъ образомъ, не впервые создалъ *церковь истинныхъ поклонниковъ Бога*,—Онъ создалъ *церковь Свою*. Онъ говорилъ Петру: іудеи имѣютъ свою *церковь*, а Я изъ Моихъ учениковъ создамъ *Мою церковь*. Греческое слово *ἐκκλησία*, соотвѣтствующее еврейскому *קהל* ¹⁾, отъ глагола *ἐκκαλέω* (вызывать, призывать, выбирать), означаетъ представительное собраніе, вообще собраніе ²⁾. Христосъ „избралъ Своихъ учениковъ“ ³⁾, хотя это было не избраніемъ ихъ какъ представителей міра, а выдѣленіемъ изъ міра (*ἐγὼ ἐξελεξάμην υἱᾶς ἐκ τοῦ κόσμου*) какъ не принадлежащихъ міру (*ἐκ τοῦ κόσμου οὐκ εἰστέ*), чуждыхъ и ненавидящихъ ему ⁴⁾. Прибавимъ къ этому понятію избранія понятіе союза, общества ⁵⁾,—и мы получимъ новозавѣтное ученіе о церкви. На мѣсто церкви іудейской, которая никогда не могла стряхнуть съ себя національно-теократической пыли, Христосъ основываетъ Свою церковь, какъ духовное общество вѣрующихъ въ Отца Небеснаго, сыновъ Божіихъ.

ніи, что не все царство Божіе (или въ евангельскомъ смыслѣ, ни въ іудейскомъ) совпадаетъ съ церковью—эта идея все-же ближе къ истинѣ, чѣмъ мнимо-научныя измышленія фельетоннаго богословія на тему о церкви какъ о формѣ или о видѣ царства Божія.

1) Напр. Евр. II, 12—Пс XXI (евр. XXII), 23.

2) Дѣян XIX, 32—39. 40

3) Иоан. XV, 16. 19

4) Иоан. XV, 18. 19

5) Мѳ. XVIII, 20

Вмѣстѣ съ наслѣдованіемъ іудейскаго понятія церкви дается мысль объ отверженіи іудейства, вмѣстѣ съ старою формою дается новое содержаніе. Однако посредствующею остается идея избраннаго общества, и понятіе церкви въ евангеліи не имѣетъ того специфически-мистическаго значенія гл҃а Христова, какое оно получило въ посланіяхъ апостола Павла. Слова о „ключахъ царства небеснаго“ отсылають насъ къ Ис. XXII, 22, гдѣ рѣчь идетъ о „призваніи“ Елиакима, сына Хелкіина, которому передается власть, отнятая отъ „начальника дворца“, и ключъ отъ дома Давидова, такъ что „отворить онъ, и никто не запретъ, запретъ, и никто не отворить“. Подъ образомъ ключа и его употребленія разумѣется власть „начальника дворца“. Этотъ образъ въ словахъ Христа примѣняется къ царству небесному. Власть надъ новозавѣтнымъ дворцомъ, надъ царствомъ небеснымъ, передается вѣрующимъ въ Отца Небеснаго, обладающимъ свободою сыновъ Божіихъ. Равнымъ образомъ и въ другомъ мѣстѣ, въ заповѣди переносить спорное дѣло на судъ церкви, также въ самой церковности еще не видится специфически-тайнственный характеръ и опредѣленное устройство церковной жизни. Церковь здѣсь скорѣе предполагается, какъ существующая форма общежитія, чѣмъ учреждается вновь. И прямо разумѣется іудейская церковь, какъ это неотразимо слѣдуетъ изъ словъ „да будетъ онъ (непослушникъ) тебѣ, какъ язычникъ и мытарь“, т. е. отверженный отъ іудейской церкви.

Не трудно понять, что значеніе церковности для учениковъ евангелія вытекаетъ не изъ идеи церкви, а изъ реальныхъ началъ евангельскаго опыта, которымъ опредѣляется производная цѣнность церковной жизни. Подлинно и неотъемлемо евангельское благо принадлежитъ возрожденной личности; оно не можетъ реализоваться безъ свободнаго творчества духа; для его абсолютныхъ требованій единственная и незамѣнимая область примѣненія въ свободной личной энергіи. Поэтому духовно-рожденная личность составляетъ съ евангельской точки зрѣнія несравнимую, неподобную цѣнность. Напротивъ, абсолютность евангельской жизни не можетъ выразиться ни въ какихъ учрежденіяхъ, ни въ какомъ внѣшнемъ строѣ, ни въ какой общественной формѣ, которая неизбежно бываетъ условною, ограничен-

ною. Поэтому для носителей евангельской жизни церковность не имѣетъ значенія самоцѣннаго общественнаго строя. Вопросъ въ томъ, *что* прежде въ христіанской церкви—духовная жизнь ея членовъ, слагающихся въ общество, или общественный строй, какъ производитель христіанскихъ душъ. Съ евангельской точки зрѣнія на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: въ христіанствѣ основная реальность и незамѣнимая цѣнность принадлежитъ индивидуальному духу, а христіанская церковь есть соединеніе вѣрующихъ въ общество, стадо учениковъ Христовыхъ. Въ отношеніи къ вѣрующимъ церковь имѣетъ значеніе не производящее, а производное. Не отъ церкви вѣрующіе, а изъ вѣрующихъ церковь. Какъ бы ни велика была роль церкви въ дѣлѣ рожденія новыхъ сыновъ евангельскаго царства и въ дѣлѣ ихъ сохраненія и возрастанія, во всякомъ случаѣ въ церковной сферѣ элементы цѣнныя и важныя объединяющей ихъ общественной формы. Съ физической точки зрѣнія нужно жертвовать жизнью одного для спасенія народа ¹⁾, и съ общественно-утилитарной точки зрѣнія нужно ограничивать благо каждаго въ пользу всѣхъ; но въ церкви, какъ въ царствѣ абсолютныхъ личностей, не можетъ быть жертвы духовнымъ благомъ каждаго и ограниченія духовной свободы личностей для процвѣтанія общественнаго строя. Не вѣрующіе для церкви, а церковь для вѣрующихъ.

Отсюда неизбежны нѣкоторые отрицательные выводы по еkkлeсиастическому вопросу. Однако это отрицаніе не можетъ быть безграничнымъ. Нельзя отрицать того, что соединеніе вѣрующихъ въ общество дѣлаетъ неизбежнымъ общественный строй, что оно является историческою силою, которой обѣтована побѣда надъ міромъ ²⁾, и что оно пріобрѣтаетъ таинственныя свойства ³⁾, которыя превышаютъ индивидуальныя возможности въ отношеніи къ природѣ. Не отрицая этихъ сторонъ церковной жизни, не нужно только забывать, что центръ тяжести евангельскаго воззрѣ-

¹⁾ Іоан. XI, 50

²⁾ Лук. XII, 32

³⁾ Іоан. XIV, 16—17; XV, 26; Дьян. I, 4—5; II, 1—4. Ср. Основы христіанства, т. I, стр. 362 сл. и III, стр. 128 сл.

нія не здѣсь, а въ религіозно-этическомъ генезисѣ христіанской церкви. Сыны евангелія слагаются въ „свою“ церковь по сущности духовной жизни, по дѣйствию любви ихъ другъ къ другу ¹⁾),—и всѣ основныя свойства христіанскаго общества вытекають изъ существенныхъ началъ личнаго христіанскаго опыта.

Первое свойство церкви вѣрующихъ во Христа—ея универсальность. Хотя іудеи имѣли понятіе церкви, какъ общества истинныхъ поклонниковъ Бога безъ различія національнаго и государственнаго, однако наличность этого понятія была съ ихъ стороны уступкою силѣ обстоятельствъ, и церковность въ ихъ представленіи всегда подавлялась національными чаяніями. Напротивъ, церковь Христова безусловно универсальна, поскольку богосыновство не знаетъ никакихъ природныхъ и національныхъ предѣловъ ²⁾). Универсальность образуетъ рѣшительную противоположность царства Христова іудейскимъ чаяніямъ.

Вторую основную черту евангельской церкви составляетъ духъ служенія и кротости, діаметрально противоположный духу мірскихъ царствъ ³⁾) и открывающійся какъ во внутреннихъ отношеніяхъ церкви, такъ и въ ея внѣшнихъ отношеніяхъ къ міру. Князья народовъ господствуютъ надъ ними, и вельможи властвуютъ ими, но иной порядокъ въ церкви Христовой. Здѣсь первенство принадлежитъ тому, кто служитъ другимъ, и, обратно, кто больше другихъ, тотъ долженъ служить другимъ, какъ и Сынъ человѣческій пришелъ, чтобы послужить ⁴⁾). Онъ умылъ ноги ученикамъ и заповѣдалъ имъ „умывать ноги другъ другу“ ⁵⁾). Въ ученіи Христа двѣ мысли. Во-первыхъ, кто хочетъ быть бѣльшимъ, т. е. кто хочетъ первенствовать въ царствѣ Божіемъ, сидѣть на престолахъ славы, тотъ можетъ достигнуть своей цѣли единственно тѣмъ путемъ, если онъ становится на самое послѣднее мѣсто и дѣлается для всѣхъ рабомъ. Во-вторыхъ, кто больше, или по природнымъ силамъ, или по условіямъ общезитія, а главное—по дарамъ вѣчной жизни, тотъ дол-

1) Іоан. XIII, 35; XV, 12.

2) Мѡ. VIII, 11—12; Лук. XIII, 28, 29 и др.

3) Мѡ. IV, 8—10 пар.

4) Мѡ. XX, 25—28; Мр. IX, 35; X, 42—45; Лук. IX, 48; XXII, 25—27.

5) Іоан. XIII, 14—15.

жень всѣмъ служить, быть всѣмъ рабомъ. Этою двухсо-
ставною мыслью безповоротно подрывается возможность
власти въ церкви учениковъ Христовыхъ. Здѣсь власть за-
мѣняется служеніемъ. Здѣсь не можетъ быть мѣста ни для
какого внѣшняго авторитета ¹⁾. Христіанство допускаетъ
только такую церковность, которою не устраняется абсолют-
ность и свобода духовной жизни, поскольку каждый вѣрую-
щій непосредственно соединенъ со Христомъ, каждый но-
ситъ въ сердцѣ своего Отца Небеснаго. Все, что имѣетъ
малѣйшій признакъ власти и авторитета, все такое, врыва-
ясь въ церковную сферу, является подмѣной евангельскаго
духа. Равно и въ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ церковь
Христова есть царство не отъ міра сего ²⁾, въ ней вѣетъ
новый духъ ³⁾: ея „служители“ не могутъ составить военной
гвардіи вокругъ „авторитета“, она не можетъ сводить не-
бесный огонь на истребленіе душъ человѣческихъ. Внѣшней
силѣ суда, гоненій и преслѣдованій она можетъ противопо-
ставить только мученическое свидѣтельство, позоръ изгна-
ній и злословія ⁴⁾. Церковь никогда не должна забывать
последнихъ обѣтованій, данныхъ ей,—последней побѣды
надъ міромъ; но она можетъ побѣдить міръ въ христіан-
скомъ духѣ лишь побѣдою кротости ⁵⁾. Солю избыточ-
ствующей духовной жизни и свѣтомъ добрыхъ дѣлъ это
стадо кроткихъ призвано прославить Отца Небеснаго предъ
глазами міра: въ этомъ одномъ его призваніе ⁶⁾. Истинное
общество учениковъ Христовыхъ есть общество „служи-
телей“ міра: они должны разсѣяться по больницамъ, по тюрь-
мамъ, повсюду, гдѣ горе, бѣдность, страданія, болѣзни,—
они должны осушать слезы, утишать горе, нести всюду
свѣтъ и радость. Они должны опутать весь міръ узами
своей любви, пронести свѣтъ евангелія по всему міру, про-
низать лучами вѣчной жизни все человѣчество. Какъ въ
душѣ каждаго вѣрующаго царство небесное уподобляется
зерну горчичному и закваскѣ, такъ оно должно покрыть

¹⁾ Мѣ XXIII, 8—10

²⁾ Іоан. XVIII, 36.

³⁾ Лук IX, 55—56.

⁴⁾ Мѣ. V, 10. 11; X, 17. 18 пар.

⁵⁾ Мѣ. V, 5; Лук. XII, 32.

⁶⁾ Мѣ. V, 13—16.

своими вѣтвями всю землю и укрыть въ нихъ, всѣхъ нуждающихся въ защитѣ, должно заквасить своимъ духомъ все человѣчество, всю исторію.

По свойству церковности царство Божіе становится историческою силою и пріобрѣтаетъ историческій обликъ. Неся служеніе міру, сама церковь живетъ и растетъ на счетъ міра. Она беретъ своихъ членовъ отъ міра. Это уловъ Сына Человѣческаго, это его посѣвъ. При этомъ сказывается относительность человѣческихъ силъ, воли и ея рѣшеній. Выходъ и плодоношеніе зависятъ отъ свойствъ почвы, на которую падаетъ сѣмя ¹⁾. Въ самой церкви оказываются члены разнаго достоинства, такъ что царство небесное уподобляется полю, на которомъ среди пшеницы появляются плевелы, неводу, захватившему рыбъ и хорошихъ и худыхъ ²⁾, и брачному пиру, который наполнился и добрыми и злыми ³⁾. Царство Сына Человѣческаго обнимаетъ вмѣстѣ съ праведниками соблазны и дѣлающихъ беззаконіе ⁴⁾. Много званыхъ, мало избранныхъ: плевелы будутъ сожжены, худыя рыбы выброшены, злые будутъ изгнаны изъ пира. Однако это раздѣленіе будетъ совершено самимъ Сыномъ Человѣческимъ, когда настанетъ „жатва“, „при кончинѣ вѣка“. Власти на это не дано его рабамъ, дабы они не выдергали вмѣстѣ съ плевелами пшеницы, не выбросили вмѣстѣ съ худыми и хорошихъ рыбъ, не выгнали подъ видомъ злыхъ и добрыхъ гостей ⁵⁾.

¹⁾ Мѣ XIII, 3 сл.

²⁾ Мѣ XIII.

³⁾ Мѣ XXII, 1—14; Лук XIV, 16—24.

⁴⁾ Мѣ XIII, 41—43

⁵⁾ Другое внушается задачей церкви быть солью и свѣтомъ для міра, прославить въ его глазахъ Отца Небеснаго добрыми дѣлами. Въ виду этой задачи церковь должна слѣдить за своей репутаціей, охранять свой опредѣленный видъ, отсѣкать отъ себя все стороннее, все прикрывающее ее, спирающее ея пограничныя ливніи, обезличивающее ее въ глазахъ виѣшнихъ. И очевидно, во имя этой задачи она должна извергать изъ своей среды всякое лицемѣріе, всѣхъ прістающихъ къ ней по какимъ-нибудь корыстнымъ побужденіямъ, прикрывающихъ ее именемъ достиженіе земныхъ интересовъ. Но это совсѣмъ не то, что вырваніе плевелъ. Евангельское слово о плевелахъ сугубо приточно. Бываютъ плевелы и плевелы. Бываютъ плевелы, какъ сорная трава, и бываютъ „плевелы“, какъ представители личнаго почина, искатели новыхъ опытовъ, носители

Въ формѣ церкви христіанство пріобрѣтаетъ значеніе исторической силы; вмѣстѣ съ тѣмъ оно подпадаетъ закону условнаго роста, постепеннаго развитія. „Царство Божіе подобно тому, какъ человѣкъ бросилъ сѣмя въ землю, и спитъ и встаетъ ночью и днемъ, и какъ сѣмя всходитъ и вырастаетъ, не знаетъ онъ. Сама собою земля плодоноситъ, сперва зелень, потомъ колось, потомъ полное зерно въ колосѣ. Когда же созрѣетъ плодъ, немедленно посылаетъ серпъ, потому что настала жатва“¹⁾. Эта притча означаетъ непримѣтность для человѣка роста его собственной духовной жизни, но она имѣетъ примѣненіе и къ историческому росту церковнаго христіанства. И тогда подъ приточнымъ „человѣкомъ“ нужно разумѣть Сына человѣческаго, или Отца Небеснаго. Подобно тому, какъ человѣкъ, бросивъ сѣмя въ землю, не можетъ вмѣшаться въ его ростъ, но долженъ предоставить ему расти производительною силою и законами земли; такъ и сѣющий сѣмя Сынъ человѣческій, насадивъ евангеліе, предоставляетъ ему расти въ обществѣ людей по законамъ человѣческой исторіи. Какъ земля производитъ изъ зерна сперва зелень, потомъ колось и наконецъ полное зерно въ колосѣ; такъ и царство Божіе на землѣ утверждается и растетъ постепенно. И въ другихъ притчахъ дается разумѣть постепенный ростъ царства Божія. Такъ царство Божіе уподобляется зерну горчичному, которое, когда сѣется въ землю, бываетъ меньше всѣхъ сѣмянъ на землѣ, а когда вырастаетъ, бываетъ больше всѣхъ злаковъ, и растетъ постепенно—когда посѣяно, всходитъ, и становится больше всѣхъ злаковъ, и пускаетъ большія вѣтви²⁾. То же говоритъ притча о закваскѣ, которую женщина положила въ три мѣры муки, доколѣ не вскисло все³⁾.

Церковность придаетъ послѣднее завершеніе и эсхатологическимъ перспективамъ христіанства⁴⁾.

„своего“ начала въ религіи, своихъ мыслей. Этихъ пзвергать не дано рабамъ: въ преслѣдованіи этихъ плеветъ пепзбжно страдаетъ шпенца.

1) Мр IV, 26—29

2) Мѡ. XIII, 31—32; Мр. IV, 31—32; Лук. XIII, 19

3) Мѡ. XIII, сз; Лук. XIII, 21.

4) И въ этомъ снова дано основаніе для популярнаго пониманія царства небеснаго въ эсхатологическомъ смыслѣ. Объ отношеніи христіан-

Корни христіанской эсхатологіи утверждаются въ евангельскомъ ученіи о вѣчной жизни и въ евангельской христіологіи, а завершение свое она находитъ въ христіанской церковности.

Христіанская эсхатологія изъ всѣхъ пунктовъ евангельской системы есть пунктъ самый отдаленный отъ опытныхъ основъ евангелія. И здѣсь кроется причина того, что съ этимъ пунктомъ связываются самые яркіе образы народно-христіанской фантазіи и по этому пункту наблюдается самое рѣзкое расхожденіе мнѣній въ научно-библейскомъ богословіи. И одинаково, какъ въ области народно-христіанской фантазіи, такъ и въ области библейско-богословской не оказывается ни одной твердой точки опоры ¹⁾. Чтобы найти для своихъ разсужденій твердую основу, чтобы безошибочно понимать сущность и предѣлы евангельскаго ученія по эсхатологическому вопросу, мы должны умѣть различать въ евангельскомъ ученіи между зерномъ и оболочкою, между тѣмъ, чему евангеліе учитъ, и тѣмъ, что составляетъ фонъ его ученія,—мы должны умѣть ограничиваться основнымъ и общимъ тамъ, гдѣ детали имѣютъ характеръ второстепеннаго, и воздерживаться отъ гностическаго освѣщенія этихъ второстепенныхъ деталей. Какъ въ художественной картинѣ

ской эсхатологіи къ іудейскому апокалиптическому образу царства Божія можно сказать приблизительно то же самое, что сказано объ отношенія церкви къ царству Божію,—и это тѣмъ болѣе, что церковность завершаетъ эсхатологическія перспективы христіанства. Эсхатологическій проsvѣтъ въ христіанствѣ соответствуетъ эсхатологическому направленію іудейской религіозной мысли, воплотившейся въ образѣ царства Божія, и церковно-популярное представленіе царства небеснаго погрѣбаетъ тѣмъ, что оно заимствуетъ изъ іудейской эсхатологіи конкретное содержаніе, забывая о евангельскихъ корняхъ христіанской эсхатологіи, но оно все-же болѣе выдерживаетъ евангельское ученіе о царствѣ Божіемъ, чѣмъ научно-философская идея царства Божія.

¹⁾ Въ частности, въ библейско-богословской наукѣ положеніе эсхатологическаго вопроса должно быть признано окончательно безнадежнымъ. Она, за туманомъ евангельскихъ словъ, рѣшительно не можетъ уловить никакой опредѣленной реальности и потому въ пониманіи отрѣшенныхъ и оторванныхъ реченій отдается безудержнымъ влчаніямъ вселенскаго произвола. Здѣсь господствуютъ гипотезы, радикально противоположныя и безъ остатка исключаютъ другъ друга. Здѣсь понятія, въ взаимной борьбѣ и въ постоянной смѣнѣ мнѣній, мертвецы погребаютъ своихъ мертвецовъ.

по законамъ перспективы и по условіямъ освѣщенія одно выступаетъ на передній планъ и представляется въ болѣе большихъ размѣрахъ и въ болѣе ясныхъ очертаніяхъ, чѣмъ другое, и однѣ стороны освѣщены ярче, чѣмъ другія; такъ и въ религиозной области яснѣе всего представляются опытные основы, и яркость освѣщенія ослабѣваетъ по мѣрѣ удаленія отъ нихъ,—и здѣсь однѣ стороны доступны ясному пониманію, а другія обращены къ мистической глубинѣ. Нужно раздѣльно представлять основное и общее зерно ученія, доступныя ясному пониманію опытные основы его и, наконецъ, уходящія мистическія глубины.

Основное и общее въ евангельской эсхатологіи дается вѣрою въ побѣду Отца Небеснаго надъ временемъ, въ Его грядущій судъ надъ исторіей. Въ этомъ смыслѣ эсхатологія составляетъ необходимое звено въ системѣ евангельскаго міровоззрѣнія. Евангельское богосыновство, богосыновняя абсолютность, раскрывается въ трехъ объективныхъ отношеніяхъ: религиозно-этическій *антропоцентризмъ* замѣняетъ христіанину природную силу, евангельскій *универсализмъ* переступаетъ всякія пространственныя границы человѣческаго общества и, наконецъ, христіанская *эсхатологія* простираетъ власть духовной жизни надъ границами времени, надъ послѣднимъ днемъ исторіи, надъ крайнимъ результатомъ всемірнаго развитія. И безъ этого послѣдняго звена въ системѣ христіанской вѣры, духовная жизнь, безграничная въ другихъ направленіяхъ, была бы стѣснена силою времени. Христіанское сознаніе не могло бы вынести этого предѣла. Духовная жизнь сжалась бы въ судорогахъ безумія, если бы время стояло предъ нею безнадежною стѣною, если бы послѣднее слово оставалось за темною силою слѣпой судьбы и мрачною властью зла. Христіанство было бы не религіей, но субъективной мечтой, если бы не одушевлялось вѣрою въ безграничную силу Отца Небеснаго, въ послѣдній свѣтъ Его суда.

Вѣра въ грядущій судъ Отца Небеснаго и въ Его власть надъ временемъ неотъемлема отъ евангелія. Въстѣ съ тѣмъ и содержаніе свое христіанская эсхатологія беретъ только изъ евангелія, а не изъ идеи божественнаго суда и Божьяго всемогущества. Въ этомъ предѣлѣ для нашей любознательности и источникъ своеобразнаго характера христіанской

эсхатологіи. Эсхатологическую схему мы не смѣемъ наполнять тѣмъ, что человѣческое (*τὰ τῶν ἀνθρώπων*); мы можемъ наполнять ее лишь тѣмъ, что Божіе (*τὰ τοῦ Θεοῦ*). О днѣ томъ или часѣ нѣтъ человѣческаго знанія 1). И власть Отца Небеснаго, первоначально открывшаяся въ евангельскихъ чудесахъ, проявится въ концѣ времени въ формѣ, о которой мы теперь не можемъ составить себѣ никакого представленія, но она не обнаружится въ теченіе времени. Возможна евангельская эсхатологія, но невозможна евангельская хронологія. Какъ евангельскій антропоцентризмъ не есть антропоцентризмъ космологическій и евангельскій универсализмъ не равняется естественной всеобщности, такъ и эсхатологическая сила Отца Небеснаго не имѣетъ хронологической примѣтности. Подготавливаемая незримыми духовными силами, послѣдняя побѣда Отца Небеснаго никогда не нарушитъ естественно-исторической необходимости, и люди во все теченіе исторіи будутъ ѣсть, пить, жениться и выходить замужъ, какъ это было во дни предъ неожиданнымъ потопомъ 2), и даже плевелы будутъ до конца рости вмѣстѣ съ пшеницею. Вмѣстѣ съ тѣмъ и то составляетъ характеристическую черту христіанской эсхатологіи, въ отличіе ея отъ іудейской, что христіанинъ по самому свойству своей духовной жизни не обращенъ всею своею душою впередъ. Много и важное можно сказать въ обоснованіе грядущихъ благъ послѣдней побѣды Отца Небеснаго. Несмотря на неистощимость и безпредѣльность внутренняго блаженства духовной жизни, послѣдняя ограничена съ внѣшней стороны природно-исторической силой, которую отражаетъ единственно силою вѣры и самоотреченія, такъ что духовное благо не является для него единственною реальностью, но дано въ страданіяхъ и уничиженіи временной жизни. И можно мыслить устраненіе этой внѣшней границы въ грядущемъ небесномъ царствѣ Отца Небеснаго, когда плевелы не будутъ затѣнять пшеницы и духовное благо составитъ единственную реальность. При всемъ томъ духовное благо настолько самоцѣнно и обладаетъ такою самоочевидною реальностью, что первое и главное устремленіе христіанина

1) Мѡ XXIV, 36; Мр. XIII, 32

2) Мѡ XXIV, 37—39

не есть устремленіе къ будущему, но устремленіе къ настоящей побѣдѣ надъ міромъ силою вѣры, къ преодоленію видимыхъ страданій и уничтоженія внутреннею полнотою духовной жизни. Иудей былъ всеѣмъ сердцемъ обращенъ къ будущему, и его ожиданія будущихъ благъ обезцѣнивали для него настоящее. Не то въ христіанинѣ. Онъ прилѣпляется душою не къ будущему, не къ смѣнѣ будущимъ настоящаго, а къ вѣчному, которое выше времени, реализуется въ настоящемъ и имѣетъ силу надъ грядущимъ. Христіанинъ не лишенъ упованія, но его сокровище не въ будущемъ. Онъ неустрашимъ и со стороны будущаго, но главнѣе всего ищетъ онъ не грядущаго: онъ прежде всего ищетъ царства Божія и правды его, а все остальное прилагается къ этому ¹⁾. Несмотря на погашенную потребность длительного существованія и ощущеніе близкаго конца, онъ не печется объ утрѣ „последняго“ дня, какъ не печется и объ утрѣ завтрашняго дня ²⁾.

Христіанская эсхатологія далеко отстоитъ отъ опытныхъ основъ евангелія какъ по своей народной формѣ, такъ и по своей мистической сторонѣ, но свои корни она опускаетъ въ самую евангельскую основу. И главною задачею изложенія евангельской эсхатологіи нужно признать указаніе на эти ея корни.

Евангельская эсхатологія коренится въ евангельскомъ ученіи о вѣчной жизни и въ евангельской христологіи. Понятіе вѣчной жизни, которая не затрогивается смертью, неуловима для нея,—божественной духовной жизни, доступной человѣку въ предѣлахъ временнаго существованія и не знающей границы смерти,—духовной жизни, имѣющей предопредѣленную сцѣпленность со смертью, которую она неизбежно побѣждаетъ въ славѣ воскресенія—вотъ первая основа и первое содержаніе христіанской эсхатологіи. И въ этой основѣ, въ этомъ содержаніи ничего нельзя измѣнить, хотя бы мы сосредоточили все вниманіе на эсхатологическомъ концѣ христіанства. Это сосредоточенное вниманіе не дастъ намъ никакого новаго знанія, а всѣ наши гностическіе запросы встрѣчаютъ одни отрицательные предѣлы.

1) Мѣ. VI, 33.

2) Мѣ. VI, 34.

Ничего чувственного, земного мы не можемъ переносить въ свои представленія о загробной жизни, поскольку духовная жизнь, которая переступить порогъ смерти, есть божественная жизнь въ насъ, и воскресеніе обуславливается единственно ея предопредѣленною сѣвленностью со смертью и ея неизбѣжную побѣдою надъ смертью, такъ что совершенно не остается мѣста ни для языческаго спиритуалистическаго гностицизма, ни для іудейскихъ чувственныхъ представленій о воскресеніи. Также нѣтъ никакого мѣста въ христіанской эсхатологіи и для религіознаго юридикзма, и жизнь по воскресеніи нельзя разсматривать, какъ грядущую награду, придающую загробной жизни необходимо характеръ чувственный, земной. Къ этому эсхатологическому содержанию, которое дано въ понятіи вѣчной жизни и доступно нынѣ нашему духовному опыту, прибавляется лишь нѣчто какъ-бы новое отъ церковности учениковъ евангелія. Если сущность духовной жизни въ любви, которая съ силою взаимности соединяетъ учениковъ евангелія въ духовное общество, то вполне возможно предположить, что сыны Божіи, и въ качествѣ сыновъ воскресенія, объединенные любовью, будутъ имѣть объективную реальность другъ для друга,—будутъ не только живы для Бога, но и живы другъ для друга. И если эту объективность назвать соматичностью, то мы имѣемъ понятіе соматичнаго воскресенія. Нужно только помнить, что, во-первыхъ, въ этой соматичности не можетъ быть ничего чувственнаго ¹⁾ и что, во-вторыхъ, эта сторона христіанской эсхатологіи, которая наиболее удалена отъ опытныхъ основъ духовной жизни, это—мистическая тайна, которую мы можемъ предчувствовать въ опытѣ любви, но не можемъ представить себѣ рационально.

Далѣе, основное содержаніе христіанской эсхатологіи дается идеей пришествія Сына человѣческаго—въ смерти Христа, Его воскресеніи и дарованіи ученикамъ Св. Духа. При эсхатологическомъ примѣненіи этой идеи необходимо исчерпать все историческое отношеніе смерти и воскресенія Христа къ первымъ ученикамъ Христа, пережившимъ и Его смерть и Его воскресеніе. Но пришествіе Сына человѣческаго не ограничивается историческою формою этого отно-

1) 1 Кор. XV. 44 *сѣви прѣдметнѣу.*

шенія. Уже то переступаетъ за границы этой исторической формы, что всѣ послѣдующіе вѣрующіе приобщаются къ опыту апостоловъ, что всѣ они переживаютъ смерть и воскресеніе Христа, что для каждаго изъ нихъ Христосъ умеръ и воскресъ. И этого мало. Какъ для первыхъ вѣрующихъ дѣйствительность воскресенія Христова не была субъективною мечтою, но Онъ являлся всему ихъ обществу, съ объединявшею ихъ объективностью Его явленій, и Духъ Святыи открылся въ ихъ собраніи въ видимыхъ дарахъ; такъ и въ церковности сыновъ воскресенія дано условіе объективной парусіи имъ Христа. Какъ сыны воскресенія живы для Бога и живы другъ для друга, такъ и для нихъ живъ Христосъ. Однако снова нужно сказать, что эта тайна сокрыта отъ насъ подъ символическими фактами первенствующей церкви, и мы къ ней не можемъ относиться гностически.

Наконецъ, и церковь живыхъ, въ реальности своего историческаго развитія, не лишена возможности видѣть пришествіе Христа и испытывать Его судъ. На этомъ пути возможно двоякое искушеніе для учениковъ евангелія. Во-первыхъ, явленіе лжехристовъ, симулирующихъ видимое второе пришествіе Христа ¹⁾, тогда какъ дѣйствительное Его пришествіе, не имѣя пространственно-временной опредѣленности и не облачаясь въ чувственныя формы, будетъ совершаться въ обычномъ порядкѣ человѣческой жизни ²⁾. Это послѣднее обстоятельство можетъ породить для вѣрующихъ обратное искушеніе. Ожидая видимаго втораго пришествія Христа, они приходятъ къ мысли, что Господь замедлилъ, и къ сомнѣнію въ Его обѣтованіи ³⁾. Въ этомъ отношеніи евангеліе иллюстрируется фактами первоначальной церковной исторіи, когда напряженное ожиданіе скорога славнаго пришествія Христа смѣнилось въ сердца нѣкоторыхъ наглымъ ругательствомъ надъ неисполнившимся обѣтованіемъ ⁴⁾. Но уже евангеліе наставляетъ, что пришествіе Христа будетъ неожиданно, въ непредвидѣнный часъ, неуловимо, но дѣй-

1) Мѣ XXIV, 5 11. 23. 24. 26 пар

2) Мѣ XXIV, 27. 37--38 пар.

3) Мѣ XXIV, 48. 49 пар XXV. 5. 19

4) 2 Пет. III, 3. 4

ствительно ¹⁾. Это достаточно обосновываетъ евангельскій призывъ къ бодрственности. Христіане не могутъ успокоиться ни на опредѣленномъ скоромъ часѣ, ни на долгомъ замедленіи Христа. Время пришествія Христа и Его суда надъ живыми представляетъ съ точки зрѣнія чувственной неразрѣшимую антиномію, но съ евангельской точки зрѣнія эта антиномія легко примиряется. Мы не знаемъ часа, когда Господь прійдетъ, но Онъ дѣйствительно приходитъ во время, въ которое мы только ожидаемъ, въ часъ, въ который не думаемъ ²⁾... Онъ приходитъ въ судьбахъ Своей церкви, Онъ совершаетъ судъ надъ христіанскими народами, которые должны приносить плоды царства Божія ³⁾. Его судъ надъ отвергнутымъ Израилемъ—это прообразъ Его суда надъ историческою дѣйствительностью церкви...

М. Таръевъ.

---

¹⁾ Мѣ. XXIV, 36—44 сл. пар.

²⁾ Мѣ. XXIV, 50.

³⁾ Мѣ. XXI, 43.